

Брэм Стокер

ВРАТА ЖИЗНИ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ПРЕДВЕСТИЕ

– Лучше быть ангелом, чем Богом! – голос звенел из-за куста боярышника.

На невысоком надгробии, неподалеку от дерева, сидели юноша и девушка, они смотрели прямо в глаза друг другу, не прислушиваясь к разговору двух детей, примостившихся на ветвях. Для молодой пары это были пустые звуки, не сравнимые по значению с переживаемыми чувствами. Девушка коснулась губ пальцем, призывая молодого человека к молчанию, он кивнул. Теперь только детские голоса нарушали тишину.

Окрестный пейзаж мог бы взволновать художника-романтика: старинное приходское кладбище, низкая церковь с квадратной башней и длинными окнами со сложным переплетом. Желтовато-серый камень поизносился за долгие времена, а местами строение поросло мхом. Покосившиеся надгробия стояли плотными группами тут и там. За церковью виднелись вершины искривленных и узловатых тисов.

В церковном дворе росло немало деревьев: с одной стороны величественный кедр, с другой – пунцовый бук. Могильные камни и памятники усопшим чере-

довались с полными жизни цветущими деревьями, повсюду зеленела сочная трава. В свете июньского солнца ярко сияли золотые головки раkitника. Сирень, боярышник, пучки таволги обрамляли лениво текущий ручей и источали сладкий аромат. Изжелта-серые стены крошились от старости, но их ветхость прикрывали зеленые пятна папоротника и флоксов, лук-порей и заячья капуста уступали место диким цветам, добавлявшим свои ноты в пленительный аромат превосходного летнего дня, навевающего сонную дремоту.

Среди буйного цветения юная пара на сером надгробии вовсе не казалась частью бесхитростной природы. На молодом человеке был обычный охотничий костюм: рыжеватый пиджак, белая рубашка, черная шляпа, светлые ботинки и высокие сапоги. Девушку отличали богатство и изящество наряда. Алый жакет для верховой езды, маленькая черная шляпка чуть сдвинута вперед, а из-под нее ниспадает каскад золотых волос, на шее – белый шарф, классический атрибут модного охотничьего костюма, приталенного, с блестящими золочеными пуговицами. Присев на камень, девушка чуть приподняла длинную белую саржевую юбку, приоткрыв черные сапожки. Белые перчатки из оленьей кожи с отворотами и такой же белый кожаный хлыст с рукояткой из слоновой кости с золотом дополняли блистательный облик.

Уже к четырнадцати годам мисс Стивен Норманн стала настоящей красавицей – и обещала расцвести еще ярче. Ее облик соединял в себе лучшие национальные черты: твердая линия подбородка, чуть широковатое для женщины лицо, высокий лоб и орлиный нос свидетельствовали о саксонско-нормандском происхождении. Роскошные рыжеватые волосы,

пламенные и густые, как и полные, алые губы красивой формы, указывали на примесь древней северной расы островитян. А яркие черные глаза, иссиня-черные, точно вороново крыло, брови и ресницы намекали на то, что один из далеких предков-крестоносцев свою жену привез с востока. Девушка была высока для своих лет, стройна, но женственные формы тела сформировались уже довольно определенно. Длинные ноги, лебединая шея и горделивая осанка немало добавляли к ее красоте.

Да, мисс Стивен Норманн должна была вырасти в роскошную женщину. Уверенность и властность чувствовались в каждом ее движении.

Ее спутник, Гарольд Эн-Вульф, был пятью годами старше. Это преимущество, наряду с некоторыми особенностями характера, позволяло ему занимать менторскую позицию по отношению к юной девушке. Молодой человек был весьма высок, широкоплеч, но сухощав, с длинными руками и крупными ладонями. В его облике чувствовалась физическая сила, а крепкая шея и посадка головы выдавали в нем опытного спортсмена.

Молодые люди невольно прислушались наконец к разговору детей. Сквозь проем крытых ворот виднелись оставшиеся за стеной церковного двора лошади, отдыхавшие в тени кедра. Они время от времени встряхивали хвостами, отгоняя назойливых мух. Грумы сидели в седлах, ожидая хозяев, один держал поводья изящного белого арабского скакуна, а другой – вороного коня.

– Лучше быть ангелом, чем Богом!

Маленькая девочка, сделавшая это заявление, выглядела как образцовая ученица сельской воскресной школы. Голубые глаза, розовые щеки, крепкие

крестьянские ноги, прямые темно-русые волосы собраны в тугий пучок и завязаны мятой лентой вишневого цвета. Даже самый скептический наблюдатель не усомнился бы в ее добром нраве и благовоспитанности. Она была уверенной, но не заносчивой, кокетства же в ней не было вовсе. Хорошая деревенская девочка, которая привыкла вставать рано, чтобы помочь матери по хозяйству, светлый ангел для отца, заботливая няня для младших братьев и сестер, чистая умом и телом, основательная, веселая и полная безмятежной веры.

Ее подруга была хорошенькой, но более упрямой и страстной, менее организованной и очень, очень настойчивой. Черные волосы и глаза, смуглое лицо, крупный рот и вздернутый нос – все в ней составляло цельный образ пылкой, импульсивной натуры, не склонной к ограничениям и доводам рассудка. Однако трудно было бы сказать, как будет формироваться ее нрав по мере взросления. Казалось, она изумилась тому, что собеседница готова выбрать роль ниже статусом. Она помедлила, прежде чем ответить:

– Все нет! Лучше находиться выше всех и отдавать приказы ангелам, я бы предпочла так. Не понимаю, Марджори, почему ты бы хотела получать приказы, вместо того чтобы отдавать их?

– В самом деле, Сьюзан, я бы не хотела отдавать приказы. Мне больше нравится подчиняться им. Так ужасно, если ты должен обо всем думать и помнить, принимать все решения. А кроме того, мне вовсе не хотелось бы всегда быть за справедливость!

– Почему же? – довольно резко возразила собеседница.

– Ох, Сьюзан. Ну что за радость наказывать кого-то? Ведь справедливость означает не только

похвалы, но и наказания. А вот ангелы приятно проводят время, помогая людям, утешая их, они приносят свет и рассеивают тьму, дарят утреннюю росу, позволяют расти цветам, заботятся о малышах. Конечно, Бог добрый и хороший, он такой милосердный, но иногда ему приходится быть просто ужасным.

– Все равно лучше быть Богом и обладать способностью делать все, что пожелаешь!

А затем девочки спрыгнули с веток и ушли, голоса их вскоре смолкли вдаль. Молодые люди, сидевшие на надгробии, некоторое время смотрели им вслед, а потом девушка произнесла:

– Какая умница эта Марджори. Но, знаешь, Гарольд, я склонна согласиться со Сьюзан.

– В чем именно, Стивен?

– Разве ты не слышал, как она сказала: лучше быть Богом и обладать способностью делать все, что пожелаешь?

– Ну, да, – заметил юноша после короткого размышления. – Теоретически это хорошо, но думаю, что скоро можно заскучать.

– Ты думаешь? Да что ты! В конце концов, что может быть лучше, чем быть Богом? Разве можно желать большего?

В голосе ее прозвучали капризные ноты, а большие черные глаза яростно сверкнули. Молодой человек улыбнулся и покачал головой, а потом мягко ответил:

– Ты ведь и сама знаешь, что это не так. В подобном желании много честолюбия, но всему есть пределы. Не уверен, что стоит пренебрегать маленькими простыми радостями. Та девочка сказала очень важные слова о том, каково это – быть справедливым.

– Не вижу в этом ничего трудного. Любой может быть справедливым!

– Прости, но многие мужские дела со стороны не кажутся слишком трудными, – он с вызовом взглянул прямо в глаза собеседнице.

– Мужские дела! – фыркнула девушка. – Можно подумать, у женщин нет никаких дел!

– Теоретически они должны быть, но на практике...

– И что ты хочешь сказать? – сама мысль о противопоставлении мужчин и женщин вызвала у нее категорический протест.

Юноша подавил усмешку и постарался отвечать спокойно и примирительно:

– Стивен, дорогая, дело в том, что всемогущий Господь установил все так, что справедливость – не та добродетель, что свойственна женщинам. Я не хочу сказать, будто женщины несправедливы, вовсе нет. Пока не затронуты интересы близких им людей, они могут быть искренне настроенными на справедливость и даже превосходить в этом мужчин. Но когда включаются эмоции, когда возникает конкретная, сложная ситуация, абстрактная справедливость становится для женщин не так уж важна...

Девушка досадливо перебила его:

– Совершенно с тобой не согласна! Конечно, отдельные женщины и в отдельных ситуациях могут вести себя по-разному, но нельзя утверждать, что нам не свойственна справедливость.

На этот раз юноша не удержался от снисходительной улыбки, заставившей собеседницу сердито нахмуриться.

– Приведу тебе примеры, – сказал он. – Ты когда-нибудь слышала о матери, которая пожелала, чтобы ее сына побили в школе?

– Дурное поведение заслуживает наказания, но это не имеет отношения к справедливости, – пожала плечами Стивен.

– Я не о том. Я имел в виду – побили в соперничестве: обошли в соревнованиях, заняли более высокое положение в учебе или обыграли в крикет, то есть в той конкуренции, которая всегда существует между мальчиками.

Девушка на мгновение задумалась, а потом ответила:

– Ну, тут ты, может, и прав. Но это всего лишь частный случай.

– Один случай, но зато универсальный. А как ты думаешь, если бы шериф Галлоуэя был женщиной, смог бы он передать собственного сына в руки палача, когда тот совершил преступление?

На это девушка ответила мгновенно:

– Конечно нет. Не думаю, что мать, родившая свое дитя, могла быть способна на такое. Но разве часто происходят в жизни такие события? Подбери другой пример.

– Есть и другие, но думаю, что с моей стороны будет не честно приводить их.

– И почему же?

– Но, Стивен, ты ведь девушка, так что лицо заинтересованное...

Она рассмеялась.

– Ну что же, даже девушка моего возраста кое-что знает и способна судить самостоятельно, не хуже иного молодого мужчины. Однако я хочу услышать твое мнение, и если буду согласна, скрывать это не стану. В этом я могу обещать тебе полную женскую справедливость.

– Если быть кратким, я бы спросил: может ли женщина быть справедливой по отношению к дру-

гой женщине или к мужчине, если дело касается ее чувств или чужой несправедливости по отношению к ней?

– Почему бы и нет? Конечно, гордость может вступить в противоречие с желанием быть справедливой, если речь идет о нанесенной обиде. Не стоит исключать и ощущение собственного превосходства.

Юноша покачал головой.

– Гордость, ощущение собственного превосходства! Разве это не одно и то же? Но так или иначе, если опираться на эти чувства, боюсь, весы Справедливости окажутся опасно неуравновешенными, а карающий меч может ранить ее саму. Мне представляется, что если тебя гордость может направлять в верную сторону, с другими так случается не всегда. Ты скорее исключение, чем правило. Но прости, мне пора, – Гарольд взглянул на часы и встал.

Стивен последовала за ним. Переложив хлыст в ту руку, которой придерживала подол, правой она взяла спутника под руку – тем мягким, грациозным жестом, который свойственен детям, доверчиво опирающимся о руку взрослого. Пара прошла через ворота, грумы подвели коней. Стивен потрепала свою лошадку по шее и дала ей кусок сахара. Затем девушка забралась в седло, опершись ножкой на крепкую руку Гарольда и слегка подпрыгнув. Юноша легко вскочил на своего коня, продемонстрировав ловкость и опыт наездника.

Молодые люди выехали на дорогу, стараясь держаться в тени, и Стивен, погруженная в свои мысли, тихо и восхищенно прошептала:

– Быть Богом и обладать даром творения!

Гарольд ехал в молчании, ощущая холодок смутной тревоги.

Глава I

СТИВЕН

Стивен Норманн из Норманстенда оставался холостяком до зрелого возраста, пока счастливый случай не сделал его обладателем большого наследства. Поселившись в имении, он задумался о необходимости подыскать себе жену.

Еще со времени совместной учебы в колледже он поддерживал добрые отношения с ближайшим соседом, сквайром Роули. Они часто бывали в гостях друг у друга, а младшая сестра Роули – она принадлежала практически к следующему поколению, так как родилась во втором браке его отца, – привыкла обоих считать братьями. Теперь она достигла двадцатилетнего возраста и превратилась в очаровательную и по-настоящему красивую молодую женщину. В предыдущие годы дружеские отношения в компании оставались неизменными. Если бы сквайра Норманна попросили описать Маргарет Роули, он был бы немало удивлен, внезапно осознав, что речь идет не о ребенке, а о взрослой девушке.

Однако когда его мысли обратились к женитьбе, он заметил, что Маргарет полностью соответствует тому типу женщины, который его интересует. Решение было логичным, братское расположение уступило место более сильному и, вероятно, более эгоцентрическому чувству. Он сам не успел заметить, как по уши влюбился в свою симпатичную соседку.

Норманн был славным малым, крепким и красивым. К сорока годам он оставался молодым и энергичным, так что возраст его не мог смутить молодую женщину. Маргарет была искренне расположена

к нему, всегда доверяла Норманну, он был для нее старшим братом, который никогда ничего не требовал и не ограничивал ее ни в чем. Она всегда была рада видеть его, а когда сосед стал уделять ей особое внимание, женская природа невольно отреагировала естественным образом.

По прошествии должного времени стало ясно, что пара ожидает ребенка. Сквайр Норманн даже не сомневался, что это будет мальчик и наследник, так что супруга, нежно любившая его, не посмела высказать ни малейшего намека на то, что, возможно, это будет все-таки девочка. Она опасалась, что будущего отца разочаровало бы любое сомнение в его твердой надежде. В итоге она так ничего мужу и не сказала. В конце концов, она ведь и сама не знала, кто родится: мальчик или девочка, шансы были равными. Посторонних сквайр и слушать не хотел, так что идея о рождении наследника глубоко укоренилась в его сознании. Ведь ему хотелось сына! Имя было выбрано заранее: вот уже несколько веков все сквайры Норманстенда носили имя Стивен, об этом свидетельствовали документы. Естественно, ожидаемый наследник тоже станет Стивеном.

Как все мужчины средних лет, женившиеся на молодых девушках, он стремился все время быть рядом с супругой. Ожидание сына и приятное общество милой Маргарет создавали вокруг сквайра безмятежную обстановку, и Норманн целиком погрузился в нее, словно в сладкий сон.

Когда же вместо сына на свет неожиданно появилась дочь, доктор и акушерка, прекрасно осведомленные о настроении хозяина дома, в первую минуту даже матери не решились сообщить, какого пола ребенок. Миссис Норманн была очень слаба, и доктор

решил, что волновать ее не стоит. А вдруг мужу не удастся скрыть разочарование, и это глубоко огорчит ее и повредит здоровью роженицы? Так что доктор прошел в кабинет, где ждал вестей сквайр, чтобы поговорить с ним наедине.

– Ну что же, сквайр, поздравляю вас с рождением ребенка!

Норманн, конечно, удивился выбору слова «ребенок», но в этот момент больше беспокоился о здоровье любимой жены.

– Как она, доктор? Она в порядке?

Доктор вздохнул с некоторым облегчением. Такой вопрос несколько упрощал его задачу. Он продолжил с большей уверенностью:

– Она в порядке, хотя роды были непростыми. Пока я еще не спокоен за ее здоровье. Она слаба. Ее ничто не должно расстраивать.

Реакция сквайра была немедленной:

– Ничто не расстроит ее! А теперь расскажите: как мой сын? – последнее слово Норманн произнес с гордостью и смущением.

– У вас не сын, а дочь!

В комнате воцарилась тишина. Сквайр Норманн не произнес ни слова, но его правая ладонь, лежавшая на письменном столе, сжалась так плотно, что костяшки пальцев побелели, а вены набухли. Наконец, после долгой паузы, он произнес:

– И что же она, моя дочь, в порядке?

Доктор поспешил с ободряющим ответом:

– Она великолепна! Никогда в жизни не видел такого прекрасного ребенка. Она станет для вас гордостью и утешением!

– А что думает по этому поводу ее мать? – спросил сквайр. – Полагаю, она гордится ею?

– Она пока не знает, что это девочка. Я решил, что надо сперва поговорить с вами.

– Почему?

– Потому... потому что... Норманн, друг мой, но вы ведь знаете, почему! Вы всем сердцем ждали сына, вероятно, ваша супруга, молодая мать, может бояться вашего разочарования. Я подумал, что правильнее будет, если вы сами ей сообщите об этом, чтобы вы заверили ее, как счастливы рождением дочери.

Сквайр пристально взглянул на доктора.

– Благодарю вас, мой старый друг, мой добрый друг! Вы очень заботливы. Когда я смогу увидеть ее?

– Ей надо бы отдохнуть, но, учитывая все волнение, полагаю, не стоит откладывать. Она не успокоится, пока не увидит вас.

Норманну понадобилась вся любовь и много душевных сил, чтобы исполнить свой долг. Он склонился, нежно поцеловал жену и с заметной дрожью в голосе сказал:

– Где моя дорогая дочь, я хочу взять ее на руки, – сказал он.

На мгновение сердце матери мучительно сжалось в тревоге, что супруг ее разочарован, но его нежность и радость принесли женщине облегчение. Лицо Маргарет порозовело от удовольствия, она притянула его голову и поцеловала мужа в ответ.

– О, дорогой мой, я так счастлива, что ты доволен!

Акушерка принесла девочку и положила ее на руки отца. Удерживая малышку на одной руке, другой он сжал запястье жены, одновременно целуя бровку девочки.

Доктор мягким жестом дал ему знак, что роженице пора дать отдых. Сквайр покинул комнату, оглянувшись на пороге, чтобы еще раз улыбнуться жене.

После ужина он обсуждал с доктором разные темы, а потом внезапно спросил:

– Я полагаю, доктор, что пол первого ребенка не указывает на то, что другие дети будут того же пола?

– Конечно, нет! Иначе как бы в одной семье рождались братья и сестры. Друг мой, не стоит заглядывать так далеко. Ваша жена сейчас очень слаба. Я не вполне спокоен, и в ближайшие дни ее состояние может меняться.

Сквайр в тревоге вскочил со стула:

– Тогда чего же мы ждем? Что надо делать? Мы должны оказать ей всю возможную помощь, найти лучших на свете консультантов.

Доктор поднял руку, пытаясь остановить его.

– Пока ничего нельзя сделать. Надо просто ждать.

– Но мы должны быть готовы действовать, если ваши страхи оправдаются! Кто в Лондоне считается лучшим специалистом по таким делам?

Доктор назвал ему пару имен, и уже несколько минут спустя конный посланник скакал в Норчестер, к ближайшему телеграфу. Он должен был отправить обращение к столичным врачам и позаботиться о железнодорожных билетах для них. Тем временем доктор отправился проведать роженицу. Вернулся он бледный и взволнованный. Сердце Норманна упало, когда тот сказал:

– Ей стало хуже! Теперь я очень встревожен. Не уверен, что ей хватит сил дожидаться утра.

Сквайр издал стон и с трудом проговорил:

– Могу я видеть ее?

– Пока не стоит, она уснула. Возможно, сон придаст ей сил. Но если нет...

– Если нет? – голос сквайра совершенно изменился.

– В таком случае я немедленно позову вас! – заверил его доктор, прежде чем вернуться к пациентке.

Оставшись в одиночестве, сквайр опустился на колени, закрыл лицо руками. Широкие плечи его согнулись от горя.

Прошло больше часа, прежде чем он услышал за дверью торопливые шаги. Сквайр буквально рванулся к двери.

– Ну?

– Вам стоит пойти со мной.

– Ей лучше?

– Увы, нет. Боюсь, ей остается не много. Возьмите себя в руки, друг мой! Да пребудет с вами Господь в эти горькие часы. Все, что вы можете теперь, это сделать ее последние мгновения счастливыми.

– Да-да, конечно, – голос сквайра внезапно стал удивительно спокойным, так что доктор оглянулся в недоумении и тревоге.

Когда они вошли в комнату, Маргарет дремала. Потом глаза ее открылись, она увидела у постели мужа и улыбнулась бескровными губами. Она протянула к нему руку, и он поспешил склониться к ней, опустил голову на подушку, рядом с ее лицом. Он ласково обнял жену, словно его сильные руки могли защитить ее от беды. Маргарет заговорила – тихо, с трудом переводя дыхание. Каждое слово давалось ей с большим трудом.

– Дорогой мой супруг, мне так жаль покидать тебя! Ты сделал меня по-настоящему счастливой. Я так люблю тебя! Прости меня, дорогой, за то горе, которое я тебе причиняю своим уходом. Стивен, я знаю, что ты будешь лелеять малышку – нашу девочку, когда меня не станет. У нее не будет матери, тебе придется стать для нее отцом и матерью.

– Милая моя, она будет в моем сердце каждое мгновение! Я все для нее сделаю! – сквайр с трудом сдерживал эмоции.

Она продолжала:

– И еще, дорогой мой, не печалься, что она не сын, который мог бы носить твое имя, – внезапно глаза ее засияли радостью, словно счастливая мысль прида-ла ей толику сил: – Она для нас останется единственной, пусть она будет нашим сыном! Назови ее именем, которое мы оба так любим!

Сквайр приподнялся на локте, коснулся лежавшего рядом ребенка и заверил супругу:

– Дорогая моя, любимая жена, твоя душа будет жить в ней, и пусть она будет моим сыном и наследником, единственным сыном, который мне нужен. Всю жизнь я буду благодарить за нее всемогущего Бога. За нашего маленького Стивена, которого мы с тобой так любим!

Маргарет положила ладонь на его руку, словно устанавливая последнюю телесную связь с дражайшим супругом и новорожденным ребенком. Потом она набралась сил, подняла вторую руку и обвила шею мужа, их губы встретились в последний раз. И душа Маргарет отлетела с этим поцелуем.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА